

ДЕРЕВО, ПОСАЖЕННОЕ ТУКАЕМ

В НЫНЕШНЕМ ГОДУ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ ТАТАРСТАНА И РОССИИ ШИРОКО ОТМЕТИЛА 130-ЛЕТИЕ ВЕЛИКОГО ТАТАРСКОГО ПОЭТА.

В городе Уральске есть место, где стоят высокие ветвистые деревья. Если прислушаться, то кажется, что их листва шепчет стихи...

Многие жители города знают точный возраст каждого дерева — ведь сад был заложен в честь столетия со дня рождения великого Пушкина в 1899 году и когда-то носил его имя. В тот год вместе со взрослыми сажать деревья вышли и учащиеся медресе «Мутыгия», а среди них был тринадцатилетний мальчик, будущий великий татарский поэт Габдулла Тукай. Дерево, посаженное Тукаем, возможно, и не сохранилось до наших дней, а если и сохранилось, то не узнаешь его среди других. Но в вечном многонациональном пушкинском саду поэзии и сегодня звучит голос Тукая, считавшего себя литературным учеником гениального русского поэта, гордившегося своей духовной связью с ним и с русской литературой. Не случайно одной из первых журнальных публикаций девятнадцатилетнего поэта стала ода «Пушкину».

Габдулла Тукай, воссоздавая картину российской жизни, жизни татарского общества начала XX века в самых различных её проявлениях, сумел подняться до такой высоты, дойти до такого поэтического обобщения, что его произведения приобрели общечеловеческую ценность, его литературное наследие перешагнуло национальные границы. Стихи Тукая переведены почти на все языки народов России и на многие языки народов мира. 130-летие со дня рождения Габдуллы Тукая (26 апреля 2016 года) стало подлинным праздником отечественной культуры.

Тукай прожил неполных 27 лет. Родившийся в маленькой татарской деревушке, не учившийся ни в гимназии, ни в университете, он сумел стать крупным мыслителем, передовым политическим и общественным деятелем, создателем национального литературного языка, художественной критики, публицистики. Он овладел несколькими языками, составил учебники и хрестоматии и оставил пять томов собственных сочинений. И всё это за 8–9 лет активного творчества, не имея ни собственного дома, ни семейного уюта, ни условий для творческой работы.

Мы знаем: Тукай умер от туберкулёза. А фактически он сгорел в собственном огне, которым хотел осветить жизнь родного народа, его дорогу к свободе и счастью.

Вершин национальной поэзии Тукай, безусловно, достиг благодаря своим выдающимся природным способностям, которые сполна раскрылись во время демократического подъёма в России, вызванного революцией 1905–1907 годов.

Когда Габдулле было четыре месяца, умер отец. Вскоре умерла и мать. Сироту с проезжим знакомым ямщиком отправили в Казань, чтоб тот отдал малыша кому-

нибудь на воспитание. На базаре его забрал один кустарь, но через два года мальчик возвратился в бедную, многодетную семью деда, где стал «одиноким галчонком среди белых голубок». Лишний рот был очень некстати, и дед послал мальчика на воспитание крестьянину Сагди из деревни Кырлай.

Вспоминая об этих холодных годах детства, когда он босыми ногами примерзал ко льду крыльца, был оклёван «белыми голубками», а в ушах звенело базарное: «Кому нужен мальчик? Подходите, подходите...», поэт писал:

*Мать моя лежит в могиле. О страдальца моя,
Миру чуждому зачем ты человека родила?*

*С той поры, как мы расстались, стража грозная любви
Сына твоего от двери каждой яростно гнала.*

(Пер. А. Ахматовой)

Спустя некоторое время восьмилетнего Габдуллу взяла к себе сестра отца, жившая в Уральске.

Двенадцать лет жизни в этом городе являются наиболее значительным этапом формирования личности Тукая. Здесь он впервые попал в многонациональное окружение, овладел русским, арабским, турецким, персидским языками, получил первые уроки поэтического мастерства, вошёл в социал-демократические круги, общался с большевиками. Наборщиком типографии «Уралец» среди русских рабочих он встретил революцию 1905 года, участвовал в маёвках, демонстрациях с требованием восьмичасового рабочего дня, распространяя прокламации.

«Мал я, но в борьбе неистов, ибо путь социалистов — это и моя дорога, справедливая, прямая», пишет он в 1906 году, а потом провозглашает: «Вольная страна Россия — наша цель!..» И этой цели он был верен до конца своей жизни. Остриё его поэтического оружия было направлено и против конкретных мракобесов-реакционеров и против всего несправедливого социального строя. Недаром за несколько дней до смерти Тукая в дверь больницы, где он лечился, постучались жандармы, чтобы арестовать поэта...

В Казань приехал Тукай уже сложившимся литератором. Он здесь стал активно сотрудничать в демократической газете «Эль-Ислах» («Реформа»), в сатирических журналах «Яшен» («Молния»), «Ялт-йолт» («Зарница»). И здесь у двадцатилетнего поэта выходит первая книга стихов, которая была восторженно встречена широкими слоями народа.

Но революция пошла на убыль. Начались нападки на революционно-демократические силы, гонения на прогрессивную прессу, преследования прогрессивных писателей и журналистов. Тукай остаётся верен демократическим идеям. Объектами убийственного бичевания становятся буржуазные националисты, религиозные фанатики, империалистические хищники, беспощадно эксплуатирующие малые народы.

В Казани Тукай вёл и большую общественную работу, читал публичные лекции, принимал деятельное участие в литературных вечерах. Благодаря своему окружению он начал глубже понимать свою роль — роль народного поэта — в переустройстве жизни. Рождались большие творческие планы, но осуществить их было не суждено — в апреле 1913 года Тукай умер.

Нам дорого литературное наследие Габдуллы Тукая. В своих произведениях он воплотил гуманистические идеалы своей эпохи, сумел дать им мощные поэтические крылья. Поэт вдохновенно воспел дружбу народов:

*Мы с русским народом сроднились давно,
Во всех испытаниях стоим заодно.*

*Такого родства временам не избыть —
Нас крепко связала истории нить!*

(Пер. Р. Бухараева)

Рутина затхлой, тёмной буржуазной действительности не смогла заслонить от поэтического взора Тукая всё прекрасное, чем богата душа татарского народа. В его произведениях звучат искренняя надежда на молодое поколение, большая вера в его патриотизм, самоотверженность.

В Государственном музее Татарской АССР хранится том Г. Тукая, который по фронтовым дорогам дошёл до Берлина, побывал в поверженном рейхстаге. Стихами Тукая пользовались Муса Джалиль и его соратники в своей патриотической работе в логове врага.

«Пусть сольются мысль и труд!», «Пусть на ниве просвещения увенчает слава нас!», «Жизнь люби, люби Отчизну, мир, которым жив народ!» — писал он.

Тукай — один из тех счастливых поэтов, творчество которых всегда современно. Я рад предложить журналу «Аргмак» стихи, так или иначе касающиеся его.

*Говорят, что стихи —
это цветы души.*

Если б были стихи
лишь цветами души,
не раздался бы гром
в петербургской глуши,
не уткнулся бы Пушкин
в подтаявший снег,
не сбежала б слеза
с плотно сомкнутых век!

Если б были стихи
лишь цветами души,
разве стали б жандармы
в полночной тиши
рваться в дом,
где — хлебнувший всех бед
через край, —
как свеча, догорал
именитый Тукай!

Если б только цветами
стихи могли быть,
не посмели бы Лорку
франкисты убить,
не сгорело бы
сердце Хикмета в огне
беспредельной тоски
по родной стороне!

Было всякое в мире.
Но помнишь ли ты,
чтобы кто-то
кого-то
убил за цветы?!

Перевод Вад. Кузнецова

НА УЛИЦАХ КАЗАНИ

Я столько раз гулял родной Казанью,
пройдя её из края в край пешком,
читая зданья, будто лет сказанья,
и говор улиц слушая тайком.

Ночной порою, в шорохи вникая,
я часто слышал: камни мостовых
мне что-то шепчут голосом Тукая,
словно читают его новый стих.

На кружевах чугунных ограждений
цветут цветы. И из былых эпох –
как из домов – ко мне выходят тени
тех, кто для всех когда-то был как Бог.

Гул сотен лет витает над садами,
и в грудь мою wpłyвает жизни суть:
чтоб слить себя с великих дел следами –
борись за край свой, патриотом будь!..

Я вновь и вновь иду родной Казанью –
вот площадь, спуск, знакомый поворот...
Проходит всё. Но никогда, я знаю,
моя любовь к Казани не пройдёт.

В СЕМЬЮ ВСЕЛЕННОЙ

Скажи, зачем в семью Вселенной чужаком меня ввела?..

Г. Тукай.

Творенья глину с рук не соскребя,
на башмаках неся пыль большака,
в семью Вселенной жизнь ввела тебя,
как вводят в дом с дороги чужака.

Тёк свет созвездий, как вода из гнёзд,
когда ты бездной Космоса шагал,
и Дикий Гусь¹, набитый дробью звёзд,
тебя своею кровью обжигал.

¹ Татарское наименование Млечного Пути.

Ты пятна с солнца вытирал рукой,
аж проступала на халате соль.
Ты отдал звёздам свой земной покой,
а взял взамен – самой Вселенной боль.

Словно родня, на лунный каравай
сошлись кометы, звёзды и планеты.
Вот шар земной, в котором Ад и Рай
переплелись, смешав свои приметы.

Ужель для нас грозит померкнуть свет
за то, что мы не ведаем морали,
и данный нам Создателем завет
давным-давно забыли и попрали?

Ты эту тайну в горний мир унёс,
как метеор, сгорев на фоне неба...
Тукай, ты нам – не заданный вопрос.
И пусть один в пустыне слов ты рос,
в семье Вселенной – чужаком ты не был!

РОДНОЙ КРАЙ

*Куда бы непроторённый мой путь повернул,
Навек буду помнить родной свой аул.*

Г. Тукай.

Каждый твой родник слагает песню,
каждая река звучит кантатой.
Раскатились росы в редколесье,
блещут в травах, точно жемчуг скатный.

Каждая тропинка – стих звучащий.
Словно хор объединённый, оду
в честь тебя поют лесные чащи,
поле, роща, сад и вся природа!

Край родной! Моей души истоки!
Без тебя мне ни к чему награды.
Лишь скажи, как во всемирной склоке
мне не дать твои разграбить клады?..

Переводы Н. Переяслова

ПУШКИН В КАЗАНИ (Сентябрь 1833 года)

Взволнован был Тукай и поражён,
когда в Казань въезжал впервые он.
И вырвалось из сердца у Тукая:
«Казань, ты светозарна, дорогая!..»

А почему ж душевной пары строк,
в Казань въезжая, Пушкин не изрёк?
Тогда стоял сентябрь, пестрели дали
и в сумерках вечерних пропадали.

Быть может, та осенняя пора,
источник вдохновенья для пера,
так русского творца заморозила,
что речи на короткий срок лишила?

А может, как и многие места,
Казани не заметил он тогда.
Да и казанцы Пушкина едва ли
заметили в ту пору и узнали.

Но ни ему укора нет, ни им.
Зато теперь он стал для них своим.
И в очаге татарском вспыхнет снова
живое пламя пушкинского слова.

Перевод В. Шамигурина.

НЕ УЙДЁМ!..

Тукай ушёл, сказав: «Мы не уйдём!»,
в весенний дождь,
но громче год от года
апрельским первым грозовым дождём
«Мы не уйдём!» – звучит в душе народа.

Мятежной осенью у белых стен кремля
погиб Вахитов –
вместе с красной кровью
впитала клятву «Не уйдём!» земля,
навек даря бессмертие герою.
«Мы не уйдём!» – начало всех начал.
Величественна смерть во имя долга...
Так подвиг Газинура прозвучал.
Так отвечали Волхов, Дон и Волга!

Не соблазнит чужой «свободы» звон,
врага коварный зов для нас не страшен,
мы не уйдём из пламени знамён,
из вольности лугов, раздолья пашен!
Живые корни дерева страны,
в грядущие мы верим поколенья!
Пускай уходят те, кто неверны,
кто продаёт отцовский кров забвенью.

Тукай ушёл, сказав: «Мы не уйдём!»,
 в весенний дождь,
 но громче год от года
 апрельским первым грозовым дождём
 «Мы не уйдём!» – звучит
 в душе народа.

Перевод Л. Григорьевой.

О РОДНОМ ЯЗЫКЕ

*О, как хорош родной язык,
 Отца и матери язык!..*

Г. Тукай

Когда я на татарском говорю,
 я пульса его чувствую биенье,
 и поступь жеребца, и крыл скольжение –
 как будто сам я соколом парю.

Когда я на татарском говорю,
 в упругий пляс пускаюсь поневоле –
 взлетаю в небеса над отчим полем
 и прославляю звёзды и зарю.

Когда я на татарском говорю,
 приветствую я по-татарски тоже
 всех тех, кто мне роднее и дороже,
 притом не прибегая к словарю.

Когда я на татарском говорю,
 на нём поёт душа моя и плачет,
 и очень много песня эта значит
 для тех, кого я так боготворю.

Когда я на татарском говорю,
 увереннее гордость бьётся в сердце,
 и разум разгоняет сумрак серый
 уныния – и снова я творю
 Когда я на татарском говорю.

*Перевод М. Ахмедовой-Колюбакиной
 (Дагестан).*

